

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Киселев Константин Викторович,

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
к. филос. н., доцент,
заместитель директора ИФиП УрО РАН по научным вопросам,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: kiselevkv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем становления и развития региональной идентичности в Свердловской области. Выделяются основные тенденции и периоды развития системы региональных идентификаторов. Прослеживается корреляция процессов формирования региональной идентичности и политических процессов, связанных с противостоянием региональных и федеральных элит, различием региональных и федеральных интересов. Определяется содержание сложившейся системы региональных идентификаторов. Выдвигается гипотеза о формировании в Свердловской области системы идентификаторов, способной к саморазвитию и не требующей сколько-нибудь значимого вмешательства региональной власти.

Ключевые слова:

региональная идентичность, Свердловская область, выборы, региональные интересы, федерализм, губернатор, Урал, Уральская республика, столица.

В силу того, что о региональной идентичности, в том числе Урала, Екатеринбурга и Свердловской области, написано достаточно много научных и публицистических текстов, а также в силу общей признанности целого ряда исследовательских утверждений, имеет смысл изложить именно в тезисной форме как уже известные и апробированные гипотезы, так и новые предположения, связанные с динамикой идентификационных процессов в Свердловской области. Большинство положений статьи основаны на многолетних социологических исследованиях, проводимых как самим автором, так и его коллегами. При этом очевидно, что многие из нижеследующих тезисов требуют дополнительной особой научной проработки, проверки и с помощью социологических инструментов, и временем.

1. Проблемы идентичности в практическом контексте Свердловской области были поставлены несколько ранее, чем в иных

субъектах Российской Федерации Уральского региона. Условной точкой отсчета современных процессов формирования идентичности можно считать референдум о поднятии статуса Свердловской области до уровня республики, состоявшийся 25 апреля 1993 г. Тогда в нем приняло участие более двух третей всех избирателей, из которых «за Уральскую республику» проголосовало более восьмидесяти процентов.

Для сравнения можно сказать, что в Челябинской области только запрос на уникальность возник лишь во второй половине «нулевых» годов XXI века, то есть спустя более чем десять лет с момента образования и разгона Уральской республики [3].

2. Принципиальным основанием для процесса становления региональной идентичности стало политическое противостояние региональных элит с элитами федеральными. Символом борьбы региона за свои интересы, отличными от интересов «Центра», стал Э. Россель, от-

страненный от должности Указом Президента № 1890 в ноябре 1993 г. и выигравший губернаторские выборы в 1995 г., несмотря на отчаянное сопротивление федеральной власти.

3. Особую роль в процессах становления идентичности сыграл конкурентный дизайн политической системы Свердловской области, нормативно закрепленный в Уставе Свердловской области и иных региональных законах. В итоге с учетом федеральных выборов в Свердловской области с 1993 г. по 2012 г., т. е. за двадцать лет, референдум и выборы, затрагивающие всю территорию области, проходили практически ежегодно. Масштабных электоральных кампаний не было лишь в 1997, 2001, 2005 и 2009 гг.

Совершенно очевидно, что избирательные кампании не могли не формировать общеобластную повестку, ощущение причастности к областным проблемам, т. е. влиять на становление общей идентичности региона. Соответственно, верно и обратное: отсутствие региональных выборов, их формальность «убивает» идентичность, «разделяет» область на «местечки», связанные друг с другом только юридической принадлежностью к «абстрактному» региону.

4. Частота выборов и первоначально либеральное избирательное законодательство, позволявшее участвовать в выборах региональным партиям и блокам, вызвали к жизни целый ряд избирательных объединений, активно использующих региональные символы, «играющих» исключительно на региональной тематике, противопоставляющих интересы региона интересам «Центра».

Даже сами названия этих объединений уже подчеркивали их статус «защитников региональных и/или местных интересов»: «Преображение Урала», «Горнозаводской Урал», «Наш дом – наш город», «Коммунисты Свердловской области», «Единство Урала», «Союз бюджетников Урала», «За Родной Урал» и т. д.

Такие объединения, как «Промышленный Союз», «Май», «Социальная помощь и под-

держка», «Объединение работников образования» и другие, хотя в своих названиях и не использовали региональные идентификаторы, но по факту эксплуатировали именно региональную тематику, способствуя тем самым формированию региональной идентичности.

5. Более того, элиты Свердловской области в своем позиционировании фактически присвоили не только символы собственно региональной идентификации (например, местные топонимы, имеющие символическое значение: Свердловск, Екатеринбург, Ирбитская ярмарка и иные; или экономические идентификаторы: металлургия, танкостроение и т. д.), но и основные символы субрегионального значения. К таковым идентификаторам относится, прежде всего, принадлежность к Уралу, «уральскость» [2].

6. В отличие от других мощных регионов Свердловской области и ее столице Екатеринбургу удалось благополучно миновать болезнь «столичности» [1] в позиционировании при формировании региональной идентичности. «Третьих» и иных столиц в России оказалось столь много, что они все потерялись и на фоне первых двух, и на фоне друг друга.

7. Очевидно, что несмотря на во многом единую повестку, периодически устанавливаемую на территории области через выборы, через единые и/или контролируемые региональной властью СМИ и т. д., процессы идентификации в различных муниципалитетах протекают не равномерно. Прежде всего этому способствует углубляющаяся неравномерность экономического развития. Сегментация экономического пространства приводит к тому, что сегментируется и система идентификаторов. Региональные идентификаторы уступают место временным, социальным и «местечковым» (муниципальным, поселенческим).

8. Екатеринбург, как локомотив идентификации, выбрал, во многом благодаря наличию развитой гуманитарной среды, позиционирование на европейскость, на международность, на современность. Во многом этому помогла предварительная его раскрутка как консуль-

* Статья подготовлена при поддержке научного гранта Свердловской области и РФФИ-Урал № 13-06-96004 «Глобальный потенциал региональной идентичности»

ского и логистического центра, находящегося на границе Европы и Азии. «Екатеринбург – территория Европы», «Екатеринбург – территория свободы» – два основных маркера идентичности, которые активно продвигались самыми разными способами. И естественно не могли не затронуть и иные города области. Например, в Березовском была разработана и реализована целая программа «TerraLibera».

9. Что касается содержания собственно региональных идентификаторов, то оно не было неизменным, эволюционируя, во-первых, от традиционных (металлургия, опорный край державы и т. п.) к более современным (европейскость, торговый центр, самый динамичный и развитый город и т. д.), во-вторых, от достаточно компактного набора символов к все более дифференцированной символической системе.

10. Что касается географических идентификаторов, то основной из них остается неизменным на протяжении долгих лет. Это расположение области и ее столицы на границе между Европой и Азией. По отношению к граничности остальные играли и играют факультативную роль: горы, Седой Урал, Конжаковский камень, гора Волчиха и т. д. Стоит отметить, что во многом благодаря усилиям А. Иванова в число таких идентификаторов стали входить реки Урала. И прежде всего – Чусовая.

11. Промышленные или экономические идентификаторы претерпевают однозначную динамику. Если ранее это: металлургия, заводы, завод заводов, отец заводов, Уралмаш, танки, железная руда, горнозаводское дело, опорный край державы и т. д., то сейчас появляются и все больше входят в систему разделяемых идентификаторных ценностей иные: логистический центр, банковский центр, торговый центр и т. д. При этом и идентификаторы первичные, и новые вполне мирно сосуществуют.

12. Историческая символика в системе региональной идентичности представлена, но не занимает в ней доминирующего места: отсутствие крепостного права, Ермак, Демидовы, горная промышленность, «ковка» победы в Великой отечественной войне, танковый кор-

пус и т. д. Пожалуй, самое значимое событие в этом ряду исторических идентификаторов – убийство царской семьи.

13. В области искусства налицо серьезная идентификационная динамика. Традиционные П. Бажов и уральские сказы, Д. Мамин-Сибиряк и «горное гнездо» закономерно уходят в прошлое. Писатели советского периода заметного следа в идентичности не оставили, несмотря на славные имена и названия. «Уральский следопыт», «Урал», конкурс «Аэлита», хотя и держатся, но конкуренции не выдерживают. Зато Свердловская область и особенно Екатеринбург все активнее поддерживают достаточно новые «бренды» и «бренды» прошлого, зазвучавшие по-новому: А. Иванов, создаваемый музей Невьянской иконы (который только сейчас входит в число известных брендов!), художники М. Брусиловский, В. Волович, Г. Метелев и другие (памятник «Горожане»), екатеринбургский стрит-арт, «уличный художник» Тимофей Радя, драматург и режиссер Николай Коляда, композитор А. Пантыкин, группа «Чайф» и иные, команды КВН, «Красная Бурда» и т. д.

Особо стоит отметить, что большинство идентификационных брендов в сфере искусства возникли не при однозначной и существенной поддержке власти, но самостоятельно. Никакого сравнения в этом контексте с гигантским проектом «Пермь – культурная столица России» М. Гельмана, возникшем под патронажем губернатора О. Чиркунова.

14. Явно существенно проигрывают иным (географическим, промышленным) идентификаторам символические системы, связанные со спортом. Тогда как в соседних регионах они принципиально значимы. Можно отметить, что, условно говоря, между «старым» футбольным «Уралмашем» и новым «Уралом» образовался некий идентификационный вакуум. Хоккей с мячом, когда-то очень популярный, вообще ушел из спортивной повестки. «Уралочка» Н. Карполя также прошла символический «пик символической формы». Сегодня заметно некое, а иногда и значимое, возрождение

интереса к спортивным идентификаторам, но оно очевидно слабее того, что есть в соседних областях макрорегиона.

15. Одной из символических логик, в том числе определяющих систему идентификаторов, стала логика особого уральского характера, мужественности и, в силу этого, превосходства.

Здесь и то, что уже упоминалось (Уральская республика, горнопроходчество, опорный край державы и т. д.), и необсуждаемое признание того, что Екатеринбург – самый динамичный город субрегиона, а то и страны, и чувство превосходства над пермяками, челябинцами, не говоря уже о «тюменцах» и более отдаленных регионах, и даже признание особенности и «крутости» уральской мафии.

16. Для Свердловской области очень важна тема и идентификаторы самостоятельности и свободы: отсутствие крепостного права, Уральская республика, Э. Россель, Е. Ройзман, борьба за сохранение прямых выборов в Екатеринбурге и т. д. Даже знаменитое в последнее время выражение «Тагил рулит» и то имеет под собой смысловые логики, связанные с самостоятельностью и обоснованием свободы поведения и деятельности.

Заметим, что тема самостоятельности и свободы в Свердловской области имеет отчетливый оттенок «сопротивления чему-либо»: системе, Центру, несправедливости, чужому и т. д. Наглядное проявление такого сопротивления – неприятие «губернаторов-варягов». Еще несколько примеров такого рода: «оборона Сагры» против несправедливости и милицейского беспредела, борьба с застройкой площади Труда против произвола нового губернатора, защита Егора Бычкова против опять-таки произвола правоохранителей, голосование против всех и низкая явка в самых разных муниципалитетах и т. д.

Можно предположить, что в основе всей современной идентичности региона лежит конфликтность. Как внутренняя, так и внешняя. Фактически, любая идентичность и развивается через конфликт, но в Свердловской

области это особенно заметно, ибо характер конфликтов иной. Образно говоря, если где-то конфликт проявляется в форме интриги или скандала, то в Свердловской области и Екатеринбурге в форме прямого и открытого «боестолкновения». Практически любая биография известного человека – история выживания, борьбы, смерти: А. Башлачев, М. Брусиловский, Н. Карполь, Г. Метелев, Н. Коляда, Э. Неизвестный, Е. Ройзман, Э. Россель, Б. Рыжий и многие, многие другие.

17. Очевидно, что система идентификаторов много сложнее. И едва ли можно в небольшой статье детально описать и субординировать все. Здесь и город небоскребов, и самый компактный европейский миллионник, и столица рок-музыки, и самый конкурентный город, и столица конструктивизма, и многое иное. Но стоит отметить, что сложность и разветвленность системы идентификаторов есть безусловное благо для развития региональной идентичности, ибо есть свидетельство и гарантия ее устойчивости.

18. Две гипотезы в качестве выводов.

Первая гипотеза оптимистична. Идентификационная система Свердловской области, и прежде всего Екатеринбурга, являющегося двигателем всего процесса региональной самоидентификации, сегодня достигла того уровня развития, когда она особо и не нуждается во властном стимулировании. Она стала саморазвивающейся, самодостаточной, способной к производству новых символов и смыслов.

Вторая гипотеза преисполнена пессимизма. Пока Свердловская область и Екатеринбург имеют некоторый запас «идентификационной» прочности. Производятся смыслы, совершенствуются практики. Город и область пока самостоятельно, без поддержки власти, но вопреки ее унифицирующему влиянию, отвечают на современные вызовы идентичности. Пока еще способны. Но вскоре может сложиться ситуация, когда сопротивление естественного организма будет сломлено политическими методами, а от региональной идентичности останутся лишь воспоминания.

